

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.4>

UDC 94(470.56-89):327.8«1877»
LBC 63.3(2Рос-4Оре)

Submitted: 03.04.2023
Accepted: 18.06.2023

**“...KHAN MANAGED TO GET AWAY TO AN UNKNOWN LOCATION”.
ESCAPE OF KOKAND KHAN KHUDAYAR FROM ORENBURG IN 1877**

Konstantin A. Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The study reconstructs the events of the escape from Orenburg of the former ruler of the Khanate of Kokand, Khudayar Khan, on November 12, 1877. *Methods and materials.* The materials of the United State Archive of Orenburg Oblast used in this work have not been introduced into scientific circulation before. An analysis of the daily life of subjects, a demonstration of the features of their home life, the mental characteristics of personalities, the determination of the motives of actions, and the algorithm of people’s actions imply the choice of an anthropological approach as a methodological basis for the study. *Analysis.* The period from the moment Khudayar arrived in Orenburg until his escape from the city is a particularly colorful life story, which has not yet been presented in historiography, and this confirms the novelty of the work. The informativeness of the discovered documents made it possible to clearly illustrate the organizational aspects of this extraordinary event. It is interesting that the khan, contrary to the belief that he was an honorary prisoner of Orenburg, actually had the opportunity to legally leave the city at any time. Emperor Alexander II, remembering that Khudayar was loyal to Russia when the khan was still on the throne of Kokand, allowed him to choose his place of residence within the core lands of the empire. Only moving to St. Petersburg was prohibited, and return to Central Asia was forbidden. Having considerable freedom of movement within the empire, which, of course, was only possible under the control of the Russian authorities, Khudayar Khan decided not to move and continued to live in the border city of Orenburg, slowly preparing to flee to Asia to try to regain power. Khudayar Khan could not prepare for a risky journey across Asia without arousing the suspicion of the police officers who were watching him and then quietly leave the city completely on his own. A small circle of trusted people was involved in the execution of the escape plan, including Khudayar’s relatives and Kazakhs interested in him as a political figure. *Results.* The smallest details of the escape recorded in the sources allow us to say that this act was not a result of an impulse to move as far as possible from the place unknown to him, but was a carefully planned operation that took into account many elements.

Key words: Khanate of Kokand, Khan Khudayar, Orenburg, escape planning, accomplices, Governor-General, Kazakhs.

Citation. Abdrakhmanov K.A. “...Khan Managed to Get Away to an Unknown Location”. Escape of Kokand Khan Khudayar from Orenburg in 1877. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 40-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.4>

УДК 94(470.56-89):327.8«1877»
ББК 63.3(2Рос-4Оре)

Дата поступления статьи: 03.04.2023
Дата принятия статьи: 18.06.2023

**«...ХАН УСПЕЛ БЕЖАТЬ НЕИЗВЕСТНО КУДА».
ПОБЕГ ИЗ ОРЕНБУРГА КОКАНДСКОГО ХАНА ХУДОЯРА В 1877 ГОДУ**

Константин Алексеевич Абдрахманов

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В исследовании воссоздана картина побега из Оренбурга бывшего правителя Кокандского ханства Худояр-хана, совершенного им 12 ноября 1877 года. *Материалы и методы.* Использо-

емые в работе материалы Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) до этого не вводились в научный оборот. Анализ повседневной жизни субъектов, демонстрация особенностей их домашнего быта, ментальная характеристика персоналий, определение мотивов поступков и алгоритма действий людей подразумевают выбор антропологического подхода в качестве методологической базы исследования. *Анализ.* Время с момента прибытия Худояра в Оренбург и до побега из города представляет отдельный яркий жизненный сюжет, до сих пор не представленный в историографии, что подтверждает новизну проделанной работы. Информативность обнаруженных документов позволила четко проиллюстрировать организационные моменты этого нерядового события. Интересным является то, что хан, вопреки представлению о нем как о почетном узнике Оренбурга, на самом деле имел возможность легально покинуть город в любой момент времени. Император Александр II в память о лояльном отношении Худояра к России, когда хан еще занимал трон Коканда, позволил ему самому выбирать место жительства в пределах коренной империи. Под запретом был только Санкт-Петербург, и не разрешался возврат в Среднюю Азию. Обладая немалой свободой передвижения внутри империи, осуществимого, конечно же, под контролем российских властей, Худояр-хан отказался от переезда и продолжал жить в приграничном Оренбурге, постепенно готовясь к побегу в Азию, чтобы попытаться вернуть власть. Подготовиться к рискованному путешествию по территории Азии, не вызвав подозрения наблюдавших за ним полицейских чинов, а затем незаметно покинуть город полностью самостоятельно Худояр-хан не мог. К реализации плана побега был привлечен узкий круг доверенных лиц, состоявший из родственников Худояра и заинтересованных в нем как в политической фигуре казахов. *Результаты.* Зафиксированные в источниках мельчайшие детали побега позволяют сказать, что этот поступок не был импульсивным порывом хана оказаться как можно дальше от непонятного ему места, а являлся тщательно спланированной операцией, учитывавшей многие составляющие.

Ключевые слова: Кокандское ханство, хан Худояр, Оренбург, организация побега, сообщники, генерал-губернатор, казахи.

Цитирование. Абдрахманов К. А. «...Хан успел бежать неизвестно куда». Побег из Оренбурга Кокандского хана Худояра в 1877 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 40–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.4>

Введение. В начале августа 1875 г. свергнутый правитель Коканда Худояр-хан был отправлен в Оренбург, где должен был ожидать решения Александра II по поводу своей дальнейшей судьбы. Отстраненный от власти и обреченный навсегда остаться в России, бывший правитель Кокандского ханства в этот момент практически полностью исчез с политической сцены. В реальности, даже находясь в почетной ссылке, Худояр-хан не растратил амбиций, так как собирался добиться прежнего положения и, в идеале, вернуть суверенитет Коканду, сбросив российское владычество вооруженным путем [14, л. 55–55 об.]. Выстраивая отношения с новыми лидерами Коканда, имперские власти утратили интерес к Худояру как к политической силе и не рассматривали возвращение хана на престол. Осознав ситуацию и не желая мириться со своей участью, Худояр пустился в бег с небольшим отрядом сторонников. Исследователи лаконично описывают это последнее заметное появление Худояр-хана в истории, ограничиваясь словами «бежал из Оренбурга» [17, с. 300] или «бежал, покинув преде-

лы России» [5, с. 23], тем самым невольно упрощая и обесценивая этот незаурядный, хоть и опрометчивый поступок, потребовавший от участников операции тщательной подготовки, моральных и материальных затрат. В силу этого, цель исследования предполагает детальную реконструкцию побега бывшего правителя Кокандского ханства из Оренбурга, совершенного в 1877 году.

Расширение и поиск новых моделей политического, экономического и культурного взаимодействия России с государствами Азии, продиктованные современной действительностью, подтверждают актуальность данной работы. Кроме этого, эпизод жизни кокандского хана, включавший его нахождение в Оренбурге и самовольное оставление города, еще не был представлен в научной литературе.

Материалы и методы. Дореволюционная историография практически не оставила сведений о правлении Худояр-хана, за исключением работы В.П. Наливкина. Вызывает уважение непредвзятый взгляд автора на противоречивую личность правителя. Неудержимое стремление кокандского хана расширять

источники поступления средств в казну и личные фонды обусловило тяжелое финансовое положение подданных и поразило коррупцией все ветви власти. Гипертрофированный механизм обогащения Худояра и его окружения В.П. Наливкин охарактеризовал так: «...мы, вероятно, будем правы, если скажем, что девизом ханского правительства и его агентов было: “рвать”» [9, с. 210]. «Однако же чувство справедливости заставляет сказать, что Худояр-хан не всегда рвал одним только путем насилия», – проявил объективность ученого В.П. Наливкин [9, с. 210].

Советская историческая наука, ориентированная на изучение экономического состояния среднеазиатских ханств в доимперский период, содержит фрагментарные сведения о частной жизни кокандского хана, его морально-психологических качествах. Содержащиеся в этих трудах материалы касаются системы налогообложения при Худояре, его строительной политики, организации государственного аппарата, принципа формирования и уровня подготовки кокандского войска [5; 8]. Внутри- и внешнеполитические катаклизмы, сотрясавшие Кокандское ханство в период правления Худояр-хана, спровоцировавшие национальные освободительные движения киргизов и узбеков, проанализированы в монографии А.Х. Хасанова [22]. На страницах своей работы Р.Н. Набиев собрал не только отрицательные версии мнений по поводу внутренней и внешней политики Худояра, но и привел вполне позитивное восприятие современниками как личности хана, так и его деятельности в роли лидера государства [8, с. 89–90].

Авторы постсоветской эпохи писали о Худояре в контексте взаимодействия хана с российской военной администрацией Русского Туркестана. Р.Ю. Почекаев обратил внимание на некий парадокс в плане подчинения ханств Средней Азии Российской империи. Историк писал, что Бухара и Хива «...сначала выказывали враждебное отношение к России, затем, потерпев военное поражение, были вынуждены признать зависимость от нее» [17, с. 296]. Кокандское ханство, наоборот, «...сначала превратилось в протекторат Российской империи, а затем начало враждебные действия против нее!» [17, с. 296]. Зависимость внешней политики Худояра в 70-е гг. XIX в. от тур-

кестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана рассмотрена в статье А.Д. Васильева [3].

Анализ существующей научной литературы позволяет увидеть, что психологический портрет правителя Коканда рассмотрен весьма ограничено, а наполненный эмоциями и драматическими событиями сюжет побега Худояр-хана из Оренбурга до сих пор не отразился в историографии. Отстранение Худояра от власти в Коканде и дальнейшую отправку его в Оренбург некоторые исследователи заканчивают такими словами: «Его политическая карьера была закончена» [22, с. 69] или «Так закончилось бесславное правление Худайяр-хана...» [1, с. 295]. Однако даже после очередной утраты власти в Коканде, Худояр-хан не оставил надежды вновь вернуть трон, а затем попытаться сбросить владычество России. Присутствие Худояра в истории после 1875 г. подтверждает яркий, можно сказать, детективный сюжет самовольного отъезда хана из Оренбурга в ноябре 1877 года.

Так как в центре исследования расположен ряд индивидов со свойственным им поведением, образом мыслей, реакцией на обстоятельства и рефлексией по поводу проделанных действий, то инструментом методологии был выбран антропологический подход. Опора на концепцию М. Блока о том, что «за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин... история хочет увидеть людей» предполагает анализ влияния личностно-психологического и физиологического факторов на конечный результат деятельности субъектов [2, с. 18]. Диалог с эго-источником дает «...возможность отчасти проникнуть в сферу мыслей и чувств людей из далекого прошлого...» [6, с. 55].

Неопубликованная ранее информация, лежащая в основе сюжета статьи, была обнаружена в фонде № 6 Канцелярия оренбургского военного губернатора Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО). В этой коллекции документов представлена делопроизводственная документация губернской администрации, значительная часть которой посвящена политическим и торговым контактам Оренбургского края с азиатскими странами в период с конца XVIII до начала 80-х гг. XIX века. Группа дел, вклю-

ченных в опись № 17 [12–16], образует своего рода цикл, освещающий побег и поиски бывшего правителя Коканда – Худояр-хана.

Анализ. Вспыхнувшее в 1875 г. крупное восстание оппозиционных Худояр-хану сил носило антироссийский характер и было поддержано широкими кругами населения Коканда, в том числе представителями духовенства и выходцами из правящей династии [1, с. 541; 17, с. 297]. Не получив прямой военной поддержки от правительства Русского Туркестана и не сумев подавить выступление самостоятельно, свергнутый в четвертый и окончательный раз с престола [4, с. 26] хан Худояр в начале августа 1875 г. прибыл в Ташкент для встречи с туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. А.Х. Хасанов так описал печальный итог последнего правления Худояра: «Насмерть перепуганный Худояр-хан решил бежать из Коканда под защиту туркестанского генерал-губернатора» [22, с. 66]. После непродолжительного пребывания в городе бывший кокандский правитель по распоряжению К.П. фон Кауфмана отправился в Оренбург. Путешествие Худояра в почетную ссылку началось 12 августа 1875 г., а днем ранее туркестанский генерал-губернатор сообщил о предстоящем визите своему оренбургскому коллеге Н.А. Крыжановскому. «Худояр хан кокандский потерявший престол вследствие политического переворота в Ханстве, и прибегший к нашему гостеприимству направляется ныне мною в г. Оренбург, где его светлость должен будет ожидать дальнейшие распоряжения Высочайшей воли касательно его будущего местопребывания. Вместе с ханом следует сын его Урман-бек, приближенные Ата-бек-Наиб, Мулла-Маруф, Акрем-хан, семейство и всего около пятидесяти человек прислуги», инструктировал Н.А. Крыжановского туркестанский генерал-губернатор [12, л. 11 об.].

Из переписки К.П. фон Кауфмана с военным министром Д.А. Милютиним проясняются некоторые подробности отъезда Худояра из Ташкента. Как указывают исследователи, основной причиной отказа К.П. фон Кауфмана разместить Худояра в Ташкенте на постоянной основе было желание имперской администрации в Туркестане выстроить конструктивные отношения с новыми властями

Коканда, показав высылкой беглого хана в удаленный город коренной империи, что Россия не намерена возвращать ему власть вооруженным путем [1, с. 295; 12, л. 14]. Вторым мотивом пересмотра изначального плана о предоставлении убежища Худояру в Ташкенте было стремление местного населения избежать возможных волнений из-за нахождения в городе их бывшего повелителя, о чем городская общественность заявила туркестанскому генерал-губернатору. «Одновременно с этим жители города заявили мне, что пребывание в Ташкенте Худояра, бывшего некогда их ханом страшит народ, и страх этот может еще увеличиться после выхода моего с войсками в Коканд...» – писал К.П. фон Кауфман [12, л. 14 об.]. Уход российского военного контингента из Ташкента на неопределенное время увеличивал страх горожан перед своим бывшим ханом, так как в его многочисленную свиту входили около 400 вооруженных воинов. Однако охранники Худояра уже не представляли организованное войско, способное и мотивированное на ведение боевых действий. В условиях полной неопределенности, лишившиеся руководства, источника заработка и предоставленные сами себе, бывшие кокандские воины думали лишь о поиске средств к существованию. Как заметил К.П. фон Кауфман, «...обнаружилось, что некоторые из них успели продать свое оружие на базаре...» [12, л. 15]. Остальная часть охранников Худояра была разоружена и распущена по приказу туркестанского генерал-губернатора во избежание каких-либо неприятных последствий [12, л. 15].

Перед длительным путешествием Худояр-хан сдал в Ташкентское отделение государственного банка 140 тыс. руб. в кокандской серебряной монете и со свитой, сократившейся до 50 человек, отправился в Оренбург [22, с. 69; 12, л. 15 об.]. По сведениям К.П. фон Кауфмана, состояние хана не ограничивалось указанными деньгами, а включало еще 3 арбы, «...нагруженных золотом и кроме того кредитные билеты...» [12, л. 15–15 об.]. Туркестанский генерал-губернатор предложил Худояру не брать все богатства в трудное путешествие, а также оставить их в банке, но хан заверил его в отсутствии у него золота и каких-либо других ценностей. Видимо уже

имея определенные планы на эти средства или просто не доверяя российским властям, Худояр предпочел держать золото поближе к себе. Настороженное отношение Худояра к совету К.П. фон Кауфмана продемонстрировало «азиатскую сомнительность и подозрение», которыми российские военные и дипломаты наделяли всех правителей государств Средней Азии [10, л. 3 об.].

Выехав из Ташкента 12 августа 1875 г., в конце сентября хан был уже в Оренбурге, посетив перед этим Орск [12, л. 3]. Покинув Ташкент против собственной воли, Худояр не стал пленником в Оренбурге. Бывшему правителю Коканда было разрешено не только перемещаться по всей территории России, но и даровалось право выбора любого населенного пункта для постоянного проживания, за исключением Санкт-Петербурга. Эту информацию содержит письмо военного министра Д.А. Милютина оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому от 14 марта 1876 г.: «Относительно же постоянного местожительства Худояр-Хана в России, остается в силе известное Вашему Высокопревосходительству Высочайшее повеление, по которому бывшему хану предоставляется право избрать для своего постоянного пребывания любой пункт во внутренних губерниях империи, за исключением Петербурга» [12, л. 32–32 об.].

Видимо, желая прояснить свой нынешний статус, чтобы иметь возможность строить дальнейшие планы, Худояр просил Н.А. Крыжановского о встрече с российским монархом. Судя по тону послания, Худояр хотел попасть в столицу России как можно скорее, а потому вежливо напоминал Крыжановскому о важности встречи с царем. «Меня очень тревожит, что и до сих пор Вы не присылаете мне никаких известий, но я полагаюсь на Вас. Быть может, Вы доложили уже мою просьбу Великому и Милостивому Белому Царю во имя Вашей ко мне благосклонности в Оренбурге», – просил не игнорировать его интересы хан Худояр в письме от 9 февраля 1876 г. [12, л. 34]. Ответ на запрос Н.А. Крыжановского об уместности посещения Худояром имперской столицы, направленный в Санкт-Петербург, пришел в марте 1876 года. Д.А. Милютин сообщал в Оренбург, что «...с Высочай-

шего соизволения, Худояр-Хану можно разрешить приехать в Петербург, если он того пожелает...», но финансировать эту поездку должен был сам Худояр [12, л. 32]. Необходимо прояснить, что оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский не испытывал никакой симпатии к Худояру и придерживался мнения о том, что еще суверенный правитель Коканда «...по положению своему, должен быть вассалом России» [18, с. 362].

По неустановленным причинам визит Худояр-хана к Александру II не состоялся. На протяжении всего 1876 г. бывший правитель Коканда продолжал жить в Оренбурге и не воспользовался предоставленным правом на переезд в любой другой город. Зная о дальнейших шагах Худояра, можно предположить, что его полностью устраивала близость Оренбурга к азиатской границе, позволявшая при необходимости оперативно переместиться в интересующий хана район Средней Азии или Казахской степи.

Лишенный привычного круга общения, не имевший возможности посетить родные места, не до конца понимавший свой нынешний статус и переживавший за свою дальнейшую судьбу, Худояр находился в состоянии повышенной морально-психологической нагрузки, усиливавшейся с каждым днем его пребывания в чуждой социокультурной среде. Информация о стрессовом состоянии бывшего владыки Коканда достигла Санкт-Петербурга. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев сообщил Н.А. Крыжановскому письмом от 24 июня 1876 г. следующее: «По полученным мною сведениям, проживающий в Оренбурге кокандский хан Худояр начал употреблять опиум в больших размерах, и часто отлучаясь на целый день в загородную прогулку, оставляет квартиру свою, хотя и запертую, но без всякого надзора...» [12, л. 39]. Совершенный Худояром через полтора года побег наводит на мысль, что бывший правитель Коканда не настолько сильно тяготился пребыванием вне родины, а возможно, сознательно производил впечатление пребывающего в депрессии от постигших его несчастий и смирившегося со своей судьбой человека, чтобы усыпить бдительность оренбургского руководства. За пределы города он выезжал, скорее всего, для знакомства с местностью и

тайных встреч с другими участниками и организаторами побега.

О том, что Худояр не считал себя окончательно вычеркнутым из истории Кокандского ханства и политики в целом, говорят его планы, ради которых и состоялся побег. В дороге Худояр-хана сопровождали несколько человек из казахов, с которыми он поделился своими намерениями. Вербуя сторонников в казахских аулах, беглый правитель Коканда утверждал, что собирается «...открыть войну против России...» и рассчитывает на поддержку со стороны туркмен и хивинцев, которые только и «...ожидают удобного случая, чтобы напасть на Петро-Александровское укрепление и вырезать всех русских» [14, л. 55–55 об.]

Эмоциональную нестабильность хана из-за неопределенности его положения и нахождения в малопонятной атмосфере российского города, реальную или симитированную, фиксировали современники событий. Крайне интересными представляются наблюдения Мари де Ужфальви-Бурдон, посетившей Оренбург зимой 1877 года. Парижанка сопровождала своего мужа, который являясь ученым-востоковедом, был «...направлен Министерством образования в научную командировку в Россию, Сибирь и Центральную Азию...» [21, с. 234]. В начале февраля 1877 г. супружеская чета прибыла в Оренбург, где, услышав о Худояр-хане, захотела познакомиться с представителем азиатского мира. К разочарованию француженки, встреча с ханом не состоялась по причине его болезни [21, с. 234]. «Нас заверили, что эта болезнь связана с его мрачным расположением духа, с тем, что Ксавье де Мэтр называет звериной злостью...», – сообщила о причине недомогания хана иностранная гостья [21, с. 234]. Мари де Ужфальви-Бурдон описала прецедент, подтверждающий сложности с адаптацией Худояра в имперском социуме. Присутствуя на торжественном ужине у Н.А. Крыжановского, «...когда все гости были в хорошем настроении, хан задумчиво рассматривал их некоторое время и, несомненно, найдя их отвратительными...», попросил генерал-губернатора «...приказать отрубить головы всем этим людям» [21, с. 234]. Руководитель Оренбургского края объяснил собеседнику, что он не может выполнить его просьбу, так как не обла-

дает настолько большой властью, на что Худояр ответил: «В таком случае мне вас жаль» [21, с. 234].

Неприемлемое для любого прогрессивного общества, отстаивающего постулат о сохранении человеческой жизни как выражении высшего блага, желание Худояра обезглавить чем-то огорчивших его людей многое говорит о психологии этого человека, его прежних властных возможностях и способах управления страной. В связи с этим стоит подробнее рассмотреть модель поведения Худояр-хана в период его нахождения у власти. Пересказывая диалог Худояра с Н.А. Крыжановским по поводу казни неугодных хану гостей генерал-губернатора, Мари де Ужфальви-Бурдон называла кокандца тираном и мини-Нероном [21, с. 234]. Кроме этого события на мнение француженки о свергнутом хане повлиял известный ей эпизод подавления Худояром восстания в Коканде, когда войсками правителя было убито около десяти тысяч человек. Исследователь Средней Азии В.П. Наливкин отмечал чрезмерную алчность Худояра, который с целью получения сверхприбыли «...пустился во все тяжкие торгашества и ростовщичества» [9, с. 211]. Возведенный по приказу Худояр-хана в Коканде – столице одноименного ханства – «громадный дворец» свидетельствовал о любви правителя к роскошному образу жизни [7, с. 89]. Современники Худояра, как с российской стороны, так и представители Коканда, дают крайне низкую оценку профессиональным качествам хана. Эти источники представляют посредственного, безынициативного, малоопытного в политике и абсолютно бездарного в военном плане человека, которым двигала исключительно идея благосостояния своей семьи [8, с. 89].

Однако в исследуемый период просматривалась и диаметрально противоположная точка зрения. Р.Н. Набиев, изучая дореволюционную периодику, обратил внимание на положительную оценку личности Худояра. В журнале «Нива» о хане писали, как об одном «...из самых замечательных государей в Средней Азии настоящего времени...» [8, с. 90].

Бывший правитель Кокандского ханства самовольно покинул Оренбург ближе к ночи 12 ноября 1877 года. Исчезновение Худояра

было обнаружено уже на следующий день, так как за ханом и его окружением велось постоянное наблюдение. Оперативно зафиксировав нарушение гостем условий пребывания в России, оренбургское руководство развернуло работу по розыску беглеца. Прежде всего были отправлены телеграфом депеши в соседние города – Орск, Бузулук и Самару, а также военным губернаторам Тургайской и Уральской областей [14, л. 1]. Также Н.А. Крыжановский сообщил о происшествии в Санкт-Петербург, Москву и Одессу [14, л. 6].

В ходе следственных мероприятий были раскрыты любопытные обстоятельства громкого побега. В сообщении оренбургского полицеймейстера на имя гражданского губернатора Е.И. Зенгбуша говорилось, что Худояр в сопровождении двух своих родственников Султан-хана и Нур-Мухаметова выехал из дома в 3 часа дня и домой уже не вернулся [14, л. 11]. Следственная группа осмотрела жилье Худояра и обнаружила, что многие вещи (одежда, посуда, продукты питания) были куда-то вывезены, а на месте остались мебель, ковры и постельное белье [14, л. 11]. Тщательность подготовки хана к побегу подтверждает обманчивый маневр, реализованный им за день до отъезда. Получив в неуказанном банке 32 тыс. руб., Худояр объявил, что берет эти средства для финансирования своей поездки в Илецкую Защиту. Как уже было сказано выше, по воле Александра II Худояр обладал свободой передвижения в пределах России, но только по согласованию с руководством места настоящего пребывания. Для встречи хана и присмотра за ним в Илецкую Защиту был командирован полицейский пристав 3-й части Оренбурга Кадамцев. Прибыв на место и прождав несколько дней, Кадамцев доложил Е.И. Зенгбушу, что «...по самым строгим розыскам Худояр по этому пути не проезжал и в самой защите не был» [14, л. 11 об.]. Сняв под ложным предлогом крупную сумму, Худояр продолжал убеждать окружающих в отсутствии причин для тревоги. Так, выехав из дома в день побега, он сообщил прислуге, что, как обычно, едет кататься. Чтобы наверняка развеять возможные подозрения и создать видимость поездки на близкое расстояние, Худояр и его спутники двигались следующим образом: сам бывший правитель и Султан-хан сели

на лошадей, а Нур-Мухаметов пошел рядом пешком [14, л. 11].

Эта кампания по дезинформации, призванная замаскировать побег и гарантировать успешное воплощение плана, представляет нам хана в несколько ином свете, отличном от его «классического» образа недалекого, импульсивного восточного деспота, хорошо умевшего лишь обирать свой народ. Конечно же, хан был не единственным автором плана, в котором не последнюю роль сыграли казахи, о которых речь пойдет далее, но его поведение позволяет сказать, что Худояр был достаточно здравомыслящим человеком, наделенным терпением, способным признать правоту другого и понимающим, какая модель поведения соответствует обстоятельствам.

В это время в Оренбурге полным ходом шли следственные мероприятия. Следователем по делу о побеге Худояр-хана был назначен «чиновник особых поручений V класса при оренбургском генерал-губернаторе Шмотин», который добросовестно старался прояснить все обстоятельства побега [15, л. 40]. К расследованию, продлившееся около двух лет, подключилась администрация Тургайской и Уральской областей. Совместными усилиями всех причастных к расследованию должностных лиц удалось установить круг общения Худояра и воссоздать активную фазу подготовки побега. В процессе следствия «...открывалось, что Худояр был в коротких отношениях с проживающим здесь киргизом-домовладельцем временно оренбургским купцом Биджаном Джангильдиным, который постоянно у него бывал, даже секретно от прислуги, и ей запрещалось говорить кому-нибудь об этих посещениях...» [14, л. 11 об.]. Допрошенная 3 февраля 1879 г. кухарка Худояра М. Темирбулатова подтвердила, что о контактах хана знал только узкий круг самых доверенных лиц, а прислуга имела представление о гостях хозяина лишь на уровне слухов. «Киргиза Биджана Джангильдина я лично не знала до тех пор, как встретила с ним при допросе в полиции после бегства хана, а от горничной Якшильке знала, что очень часто ходит к хану и всегда по вечерам», – сообщила на следствии кухарка [15, л. 63]. В протоколе допроса М. Темирбулатовой обозначен уровень секретности, сопровождавший процесс подготовки к по-

бегу: «...пока две молодые жены были при хане здесь, то я нередко входила в ханские комнаты, когда же эти две жены были отправлены из Оренбурга до отъезда самого хана, то я перестала входить в комнаты, а кушанья от меня брал его родственник Султан-Хан, который бежал вместе с ханом» [15, л. 62]. Текст источника четко показывает, что Худояр и его сообщники прекрасно понимали важность конспирации для удачного исхода дела, связанного с нарушением установленных правил.

Еще об одном фигуранте дела в материалах следствия говорилось: «...за два месяца до побега в Оренбург приезжал Исет Кутебаров и виделся с ханом несколько раз, получил от хана подарок сукна на халат и для жены на платье, затем отправился в аул до побега хана...» [15, л. 15]. Стоит добавить, что Исет Кутебаров занимал должность в структуре управления национальными территориями Оренбургского генерал-губернаторства, исполняя обязанности помощника иргизского уездного начальника. Участие купца Биджана Джангильдина и бия Исета Кутебарова в столь резонансном деле показывает, что Худояр старался привлечь к делу не просто лояльных к нему людей, а лиц, обладавших определенными знаниями и возможностями. Исет Кутебаров был вызван на допрос 8 февраля 1878 г., на котором отрицал свою причастность к побегу хана и не признавал личное знакомство с ним. «В бытность мою в Оренбурге, я хотя и бывал у проживающего в Оренбурге Биджана Джангильдина, но не видал Худояра и к побегу его из Оренбурга никакого участия не принимал, и никаких подарков ни от кого не принимал, и никого из... не посылал, чтобы они содействовали Худояру к побегу» [13, л. 26].

Военный губернатор Тургайской области А.К. Гейнс в декабре 1877 г. представил рапорт Н.А. Крыжановскому с указанием на еще одного из наиболее активных сообщников хана: «Ныне начальник Илецкого уезда донес мне, что по полученным им от управляющего Улен-Каринскою волостью официальным сведениям, побегу Худояр-хана способствовал киргиз Эмбенского уезда Азберген Мунайтпасов...» [14, л. 21]. М.А. Терентьев на страницах своей работы зафиксировал вклад А. Мунайтпасова в

побег бывшего кокандского хана: «Худояр-хан, высланный в Оренбург, бежал оттуда при помощи старого барантча Азбергента в Хиву» [19, с. 426].

Для каждого из участников побега был определен конкретный круг задач. Худояр-хану и его небольшому отряду предстояло перемещаться по малонаселенной территории Казахской степи и Средней Азии, наводненной разбойниками и хищными животными, поэтому наличие вооружения было обязательным условием выживания в этом опасном месте. Обеспечить отряд огнестрельным оружием взялся купец Биджан Джангильдин, который за день до отъезда хана «...сторговал в лавке два ружья с пистонами...» [14, л. 12]. Процесс приобретения оружия сообщником Худояра, скрупулезно воссозданный следствием, носил довольно курьезный характер. Биджан Джангильдин 11 ноября 1877 г. договорился о покупке двух дуствольных ружей и двух коробок «пистонов заграничных непромокаемых» в магазине оренбургского купеческого сына Александра Ефимовича Мерца [16, л. 9 об.]. Согласившись продать оружие и боеприпасы за 45 руб., А.Е. Мерц отложил товар и стал ожидать покупателя, который ушел за деньгами. Однако вместо Б. Джангильдина в этот же день «...явился какой-то молодой киргиз и стал торговать эти же ружья...» [16, л. 9 об.]. Как оказалось, коммерсант А.Е. Мерц был носителем классического купеческого менталитета, позволяющего индивиду мгновенно определять оптимальные условия для извлечения дополнительной прибыли. Так как новый клиент не был участником изначальной сделки и, возможно, не знал всех деталей договоренности, А.Е. Мерц, по его же словам, попытался продать эти ружья и боеприпасы к ним уже за 60 руб., посетитель согласился, но «...ни говоря ни слова отдал мне за них сорок руб. сер[ебром], взял ружья и ушел из лавки...», – объяснял на допросе предприниматель [16, л. 9–9 об.]. Вернувшийся 12 ноября Биджан Джангильдин забрал две коробки пистонов и отдал за них оставшуюся сумму. На вопрос продавца, почему же он сам не пришел за ружьями, сообщник Худояра «...ничего не ответил и ушел из лавки...» [16, л. 9 об.]. Кроме ружей Б. Джангильдин снабдил отряд Худояра револьвера-

ми и другими необходимыми в походе вещами, подробности приобретения которых не отражены в документах архива. «Вещи и оружие, закупленные Бижаном Джангильдиным на деньги Худояра везлись на двух верблюдах; ружей и револьверов с ними было до 10 штук», – сообщил о вкладе купца в побег Худояра источник [14, л. 54–54 об.].

Азберген Мунайтпасов действительно внес наибольший вклад в организацию побега Худояр-хана, обеспечив проезд беглеца через Казахскую степь до хивинских владений и далее. Также А. Мунайтпасов отвечал за поиск сменных лошадей для хана и его спутников. Свою часть работы А. Мунайтпасов выполнил весьма эффективно, так как смог тайно осуществить все приготовления, продлившиеся несколько дней, прямо в черте города. В качестве точки сбора отряда, места стоянки верховых и вьючных животных и пункта хранения дорожных припасов им была выбрана роща на небольшом удалении от Менового двора Оренбурга на левом берегу р. Урал [14, л. 11 об.]. После выезда из Оренбурга хорошо знающий степь А. Мунайтпасов определял направление движения, выбирая наиболее безопасный и короткий маршрут, а также неоднократно уводил от погони небольшой отряд Худояра. Например, 10 марта 1878 г. эмбенский уездный начальник, получив сведения о нахождении беглецов, направил военный отряд для их перехвата, но пойманы были лишь двое людей Худояра, а сам «...хан успел бежать неизвестно куда, и с ним скрылся также и спутник его, известный киргиз Азберген Мунайтпасов...» [14, л. 40]. После этого случая кочевник пробыл при хане еще некоторое время, но в начале мая 1878 г. «...откочевал с Усть-Урта в Иргинский уезд к Большим Барсукам, и в настоящее время находится близ своего семейства на урочище Тюбя-Кудук», – писал 24 мая 1878 г. Н.А. Крыжановскому военный губернатор Уральской области Г.С. Голицын [14, л. 45]. В июне 1879 г. А. Мунайтпасов приехал в Оренбург, где был задержан «...и заключен под стражу в местный тюремный замок» [14, л. 96].

Этот сообщник Худояр-хана недолго пробыл узником в Оренбурге и вскоре был отпущен на свободу по счастливой случайности, связанной с боевыми действиями в Средней

Азии. При подготовке Ахал-текинской экспедиции 1880–1881 гг. российское военное руководство столкнулось с серьезными проблемами логистического характера: отправлявшиеся в поход войска не могли снабдить необходимым количеством верблюдов, а для имеющихся вьючных животных не получалось найти опытных погонщиков – лаучи. В такой момент командование приняло решение призвать на службу пользовавшихся уважением у соплеменников казахов, причастных к антигосударственной деятельности и отбывающих наказание за эти правонарушения. Освобожденные и амнистированные кочевники должны были повлиять на своих соплеменников и личным примером заставить их дать согласие на участие в военном походе. По словам генерал-лейтенанта М.А. Терентьева «...Азберген, начавший карьеру простым лаучем, а потом барантач и разбойник...», был известен «...храбростью, множеством ран и доживал свой век в оренбургском остроге...», а, следовательно, идеально подходил на эту роль [20, с. 82]. «Понятно, что этот старик очень рад был вырваться на волю, хотя бы в качестве лауча, и таким образом начать свою карьеру снова», объяснял мотивацию А. Мунайтпасова российский военный [20, с. 82]. Военному руководству не сразу удалось согласовать кандидатуру сообщника Худояра, но за него поручился оренбургский купец 1-й гильдии М.Е. Мякинков [20, с. 82], пользовавшийся уважением в военных кругах как главный поставщик верблюдов для армии в период среднеазиатских походов 1870-х гг. [11, л. 4, 20]. Выполнив свою основную миссию по обеспечению побега Худояр-хана из Оренбурга, его наиболее надежные сторонники – Биджан Джангильдин, Исет Кутебаров и Азберген Мунайтпасов далее не принимали участие в интригах бывшего правителя на территории Средней Азии.

Худояр-хан так и не смог заручиться поддержкой достаточного для военно-политической авантюры числа сторонников, а потому не сумел вернуть власть в Коканде, изгнав из ханства своих оппонентов и российские войска. Понимая, что его ресурсы истощены, и дни активности как политика остались в прошлом, Худояр попросил Александра II позволить ему вернуться в Россию. Император великодушно простил своеволие бег-

лого хана и удовлетворил его просьбу. В марте 1881 г. из Главного Штаба военного министерства на имя Н.А. Крыжановского пришло уведомление о благосклонности российского монарха к Худояр-хану: «...Государь Император прощает его необдуманый поступок, и что если он пожелает снова поселиться в России, то не иначе как с обещанием не отлучаться без особого дозволения из того места, которое будет для жительства назначено...» [14, л. 189]. Беглецу не суждено было воспользоваться милостью российского императора, так как, добравшись в начале 80-х гг. XIX в. до Герата, Худояр-хан там вскоре скончался.

Результаты. В результате анализа материалов о бегстве Худояр-хана из Оренбурга удалось детально воссоздать специфику организации этого резонансного предприятия. Отправленный 12 августа 1875 г. из Ташкента в Оренбург, бывший правитель Коканда должен был в скором времени предстать перед Александром II, но санкционированный Санкт-Петербургом визит Худояра к царю почему-то не состоялся. Властный и любящий роскошь Худояр-Хан не хотел мириться с ролью изгнанника, лишённого прежнего статуса и родины, а потому после двух лет проживания в Оренбурге он тайно покинул город для того, чтобы вернуть себе престол. Обладая правом по согласованию с местной администрацией и министерством внутренних дел [14, л. 189] на переезд в любую, за исключением столицы, город России, хан все же предпочитал оставаться поближе к азиатской границе. Находясь под присмотром полиции, Худояр не сумел бы самостоятельно разработать и осуществить рискованный план побега. Для успешной реализации тайного замысла потребовалось скоординированное участие нескольких лиц. Обязанности сообщников распределились следующим образом: оренбургский купец из казахов Б. Джангильдин отвечал за закупку оружия и провианта, другой казах А. Мунайпасов приобрел лошадей и организовал пункт хранения дорожных вещей в роще за Меновым двором, бий И. Кутебаров направил своих людей для сопровождения хана в дороге. Невзирая на то, что наличие нескольких исполнителей несло дополнительный риск утечки информации, побег осуществился успешно, а знания и навыки сопровождавших Худояра кочевников обеспечи-

ли скорость и скрытность передвижения по Казахской степи и территории Средней Азии. Трудоемкость реализованной Худояром и его сторонниками задачи позволяет понять, что обширный перечень отрицательных черт характера хана, включавший жестокость, недалечность, самоуверенность и неодолимую тягу к богатству, сочетался с такими позитивными свойствами личности как решительность, терпение и упорство в достижении цели. Кроме этого, Худояр-хан проявил способности к интеллектуально-аналитической работе. В целом проделанное исследование предлагает знакомство с до сих пор неизвестной страницей из жизни правителя Кокандского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика. Ташкент ; Токио: Yangi nashr, 2010. 744 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 230 с.
3. Васильев А. Д., Кашгария А. Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // Мир политики и социологии. 2018. № 5-6. С. 19–40.
4. Громбчевский Б. Л. Путешествия по Центральной Азии. СПб.: Нестор-История, 2019. 520 с.
5. Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980. 120 с.
6. Кошелева О. Е. Побег воина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1997. Т. 1. С. 55–86.
7. Мушкетов И. В. Собрание Сочинений Ивана Васильевича Мушкетова. Вып. 2. 1877 г. Путешествие на Алай и Памир в 1877 году. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 99 с.
8. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.
9. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1886. 215 с.
10. О командировании в Хиву коллежского советника Бекчурина и поручика Субханкулова для налаживания торговых и дружественных отношений // Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 1542.
11. О награждении оренбургских купцов 1-й гильдии Михаила и Василия Мякинковых медалями «За усердие» за помощь при проведении хивинской экспедиции // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8489А.
12. О прибытии кокандского хана Худояра в Оренбург // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 216.

13. О преследовании и захвате бежавшего из Оренбурга бывшего кокандского хана Худояра // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 224.

14. Побег бывшего кокандского хана Худояра из Оренбурга // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 227.

15. Побег хана Худояра // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 229.

16. Побег Худояр-хана // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 231.

17. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 384 с.

18. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. Т. 1. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 510 с.

19. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. Т. 2. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 547 с.

20. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. Т. 3. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 526 с.

21. Ужфальви-Бурдон М. Из Оренбурга в Самарканд. Фергана. Кульджа и Западная Сибирь // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VII. Французские исследователи в Казахстане. Алматы: Санат, 2006. С. 233–270.

22. Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М.: Наука, 1977. 95 с.

7. Mushketov I.V. *Sobranie Sochinenii Ivana Vasilevicha Mushketova. Вып. 2. 1877 g. Puteshestvie na Alai i Pamir v 1877 godu* [Collected Works of Ivan Vasilevich Mushketov. Iss. 2. 1877. Journey to Alai and the Pamirs in 1877]. Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasiulevicha, 1912. 99 p.

8. Nabiev R.N. *Iz istorii Kokandskogo khanstva (feodalnoe khoziaistvo Khudoiar-khana)* [From the History of the Khanate of Kokand (The Feudal Economy of Khudayar Khan)]. Tashkent, Fan Publ., 1973. 388 p.

9. Nalivkin V.P. *Kratkaia istoriia Kokandskogo khanstva* [Brief History of the Khanate of Kokand]. Kazan, Tip. Imp. un-ta, 1886. 215 p.

10. О komandirovanii v Khivu kollezhskogo sovetnika Bekchurina i poruchika Subkhankulova dlia nalazhivaniia torgovykh i druzhestvennykh otnoshenii [On Dispatching of Collegiate Councillor Bekchurin and Lieutenant Subkhankulov to Khiva to Establish Trade and Friendly Relations]. *Obieedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (dalee – OGAOO)* [United State Archives of the Orenburg Region (hereinafter – OGAOO)], f. 6, inv. 10, d. 1542.

11. О nagrazhdenii orenburgskikh kuptsov 1-i gildii Mikhaila i Vasiliia Miakinkovykh medaliami «Za userdie» za pomoshch pri provedenii khivinskoi ekspeditsii [On Awarding the Orenburg Merchants of the 1st Guild Mikhail and Vasily Myakinkov with Medals “For Diligence” for Their Help during the Khiva Expedition]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 10, d. 8489A.

12. О pribytii kokandskogo khana Khudoiara v Orenburg [On the Arrival of Khudayar Khan of Kokand in Orenburg]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 216.

13. О presledovanii i zakhvate bezhavshego iz Orenburga byvshego kokandskogo khana Khudoiara [On the Pursuit and Capture of Khudayar, the Former Khan of Kokand, who fled from Orenburg]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 224.

14. Pobeg byvshego kokandskogo khana Khudoiara iz Orenburga [Escape of Khudayar, the Former Khan of Kokand, from Orenburg]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 227.

15. Pobeg khana Khudoiara [Escape of Khudayar Khan]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 229.

16. Pobeg Khudoiar-khana [Escape of Khudayar Khan]. *OGAOO* [United State Archive of Orenburg Oblast], f. 6, inv. 17, d. 231.

17. Pochekaev R.Iu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentralnoi Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and Khans. Personal Factor of the Legal Policy of the

REFERENCES

1. Babadzhanov B.M. *Kokandskoe khanstvo: vlast, politika, religii* [Khanate of Kokand: Power, Politics, Religion]. Tashkent, Tokyo, Yangi nashr, 2010. 744 p.

2. Blok M. *Apologiia istorii ili remeslo istorika* [Apologia of History or the Craft of the Historian]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 230 p.

3. Vasilev A.D. Kashgariia. A. N. Kuropatkin i rossiiskaia politika po otnosheniiu k Dzhetshaaru v poslednei treti XIX v. [Kashgaria. A.N. Kuropatkin and Russian Policy Toward Dzhetshaar in the Last Third of the 19th Century]. *Mir politiki i sotsiologii* [World of Politics and Sociology], 2018, no. 5-6, pp. 19-40.

4. Grombchevskii B.L. *Puteshestviia po Tsentralnoi Azii* [Travels in Central Asia]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 520 p.

5. Kastelskaia Z.D. *Iz istorii Turkestanskogo kraia (1865–1917)* [From the History of the Turkestan Region (1865–1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 120 p.

6. Kosheleva O.E. Pobeg voina [Warrior’s Escape]. *Kazus. Individualnoe i unikalnoe v istorii* [Incident. Individual and Unique in History], 1997, vol. 1, pp. 55-86.

Russian Empire in Central Asia: 18th – Early 20th Century] Moscow, Izd. dom Vyssh. shkoly ekonomiki, 2017. 384 p.

18. Terentyev M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. V 3 t. T. 1* [History of the Conquest of Central Asia. In 3 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tipolit. V. V. Komarova, 1906. 510 p.

19. Terentyev M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. V 3 t. T. 2* [History of the Conquest of Central Asia. In 3 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tipolit. V. V. Komarova, 1906. 547 p.

20. Terentyev M.A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. V 3 t. T. 3* [History of the Conquest of Central Asia. In 3 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tipolit. V. V. Komarova, 1906. 526 p.

21. Uzhfalvi-Burdon M. *Iz Orenburga v Samarkand. Fergana. Kuldzha i Zapadnaia Sibir* [From Orenburg to Samarkand. Fergana. Kulja and Western Siberia]. *Istoriia Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv. T. VII. Frantsuzskie issledovateli v Kazakhstane* [History of Kazakhstan in Western sources of the 12th – 20th Centuries. Vol. 7. French Researchers in Kazakhstan]. Almaty, Sanat Publ., 2006, pp. 233-270.

22. Khasanov A.Kh. *Narodnye dvizheniia v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva* [Popular Movements in Kirghizia During the Period of the Khanate of Kokand]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 95 p.

Information About the Author

Konstantin A. Abdrakhmanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St, 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, kostya.abdrakhmanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-7694>

Информация об авторе

Константин Алексеевич Абдрахманов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, kostya.abdrakhmanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-7694>